Ранко Матасович
Университет в Загребе

Ареальные и типологические связы протоиндоевропейского и кавказских языков

1. ВВЕДЕНИЕ

Сто лет тому назад, голландский ученный Кристиян Юленбек произнес гипотезу (1901), согласно которой индоевропейский праязык в своем развитии претерпел влияние кавказских языков. Он предполагал, что и.-е. был в самом деле язык родственный уральским языкам, но что он в течении своей истории претерпел большое влияние незнакомых, но по всей вероятности кавказских языков. Так как и большинство сочинений Юленбека, и его работы о индоевропейско-кавказских связах остались почти незамеченими в начале двадцатого века, но многие из его аргументов стали снова актуальними в течение последних несколько десятилетии. В 60-их и 70-их годах прошедщего века германский индоевропеист К. Х. Шмит (1967) обратил внимание на некоторые типологические параллели между картвельскими и индоевропейскими языками (прежде всего в области глагольной морфологии). Некоторые из его тезисов были суммированы в книге его ученика Т. Шимомия (1978). В 1984-ом году, Т. Гамкрелидзе и В. В. Иванов попробовали доказать что прародина говорящих на и.-е. праязыке находилась на юге от Кавказа, приблизительно в современной Армении. Они поддержали свою гипотезу ареально-типологическими аргументами, указывая на некоторые структуральные конвергенции и.-е. и особенно картвельских языков. Они также и обсудили множество лексических изоглосс связающих и.-е. с картвельскими, семитскими и другими языками древнего Ближнего Востока. По их мнению, такие изоглоссы возможно понять только если и.-е. прародина находилась на юге от Кавказа. Но все-таки, большинство индоевропеистов не считало их аргументы убедительними, а их самую главную гипотезу о прародине Индоевропейцев в Армении не было возможно подкрепить данными археологии.

Очень недавно, известный голландский ученный Фредерик Кортлант вернулся оригиналным аргументам в пользу ранных контактов индоевропейских и кавказских языков и оценил их очень убедительными. По его мнению, признаки им атрибуированные и.-е. праязыку, н. пр. минимальная система гласных и эргативная структура предложения, можно считать результатами адстратного или субстратного влияния кавказских языков на индоевропейский. При этом надо сказать что Кортлант сам не предложил никаких новых данных и критически не обсудил целую проблему. В настоящем докладе, мы попробуем сделать именно это:

критически проанализировать данные, свидетеьствующие о ранних контактах индоевропейского и кавказских языков в свете новых археологических сознании о прародине индоевропейцев в северном Причерномории.

2. О ИСТОРИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ИНДОЕВРОПЕЙСКО-КАВКАЗСКИХ КОНТАКТОВ

Проблема индоевропейской прародини очень старая и, по мнению многих ученных, в строгом смысле нерешимая. Будущи лингвистом, а не квалифицированным археологом, я только могу принять ту археологическую модель, которая лучше всех соответствует лингвистическим данным и доказательствам о обществе говорящих на индоевропейском языке. Эта модель обладает долгой историей – в начале она была известна как «Курганская гипотеза» Марии Гимбутас, а немного тому назад ее разработали и подкрепили новыми данными американские археологи Дж. Меллори (1989) и Д. Энтони (2007).

Согласно гипотезам Меллори и Энтони, прародина индоевропейцев охватывала, но не была тождественна с ареалем энеолитической культуры Средний Стог в Украине (поздное 5-ое и ранное 4-ое тисячелетие до н. э). Поздная и.-е. языковая общность представлена так называемой культурой «Ямная», протегащейся от Молдовы до Казахстана в поздном 4-ом тысячелетие до н. э. (ранный бронзовый век). Как можно увидеть на Картах 1 и 2, зоны где могли говорилть на индоевропейском праязыке были близ Урала – где находилась старая граница между неолитическими и охотническими обществами в 3-ем и 4-ом тисячелетие до н. э. – но они тоже граничили с северными наклонами Кавказа. Нет никаких сомнении что и.-е. праязык влиял на прото-уральский – можно найти более двадцати древных заимствовании из и.-е. в протоуральском (Haarmann 1994). В самом деле, становится очень вероятным что индоевропейский и уральский генетически родтвенные языки, исходящие из так называемого индо-уральского праязыка (ср., н. пр. Kortlandt 2007). С другой стороны, возможные связы индоевропейского с его южними соседами на Кавказе становятся очень менее ясными.

КАРТА 1

Figure 13.1 Culture areas in the Pontic-Caspian region about 3300–3000 BCE.

КАРТА 2

Кавказ был населенным неолитическим населением уже в 5-ом тисячелетию до н. э. Однако, самые старые неолитические населения долин рек Кура и Аракс в то время были отделени от степи, потому что горные вершини Кавказа становились весьма непроходными. Это значит, что в 6-ом тисячелетии интенсивные контакты кавказских и степных культур еще были невозможни. Энеолитические культуры распространились в зоне на севере от Кавказа несколько позднее, в ранном 5-ом тисячелетие до н. э. Жителя зоны около Нальчика, в Кабардинско-Балькарской Республике, обладали скотоводством и земледелием, а тоже использовали медные инструменты. Есть и некоторые доказательства что их материальная культура претерпела влияние энеолитических культур степи, и что их домашные животные пришли из территории Днепра, а не из Месопотамии, как иногда полагалось (Anthony 2007: 187-8).

Стержневая роль в передаче культурных артефактов из Месопотамии в степную зону приписивается так называемой «Майкопской культуре», которая датируется другой половиней 4-ого тисячелетия до н. э. О том свидетельствует и следующая цитата известного английского археолога Э. Шерата:

„Maikop is famous, of course, as the first „barbarian“ burial of Eurasia, with fine silver drinking-vessels and other metalwork in a provincial variant of the Uruk style of the period; and its position between the Transcaucasian area, linked by contacts along the Euphrates to Arslantepe and the Uruk colonies, and the Pontic steppe area where the Pit-grave culture crystallized around innovations such as wheeled vehicles transmitted to Mesopotamia, give it a pivotal role in mediating links between the two“ (Sherratt 1998: 271)

Очень известная могила курганского типа в Майкопе (Карта 3), открыта еще в начале 20-ого века, была полна драгоценных предметов выработаных из золота и серебра, многие из которых импортированные из Месопотамии. Эти предметы вкючали маленкие статуи львов и других не местних диких животных. Археологические открытия в Майкопе, и в других современных месторождениях, потверждают что носители той культуры были ознакомлены с использованием шерсти и колесниц. Они тоже обладали очень развитыми формами металлургии. Торговая сеть связывала Майкоп с месторождениями на севере и северо-западе. Много гончарных изделий очевидно майкопского происхождения найдено в степи, а культура Константиновки в районе нижнего Дона и азовских степь претерпела очень снажное влияние Майкопской культуры.

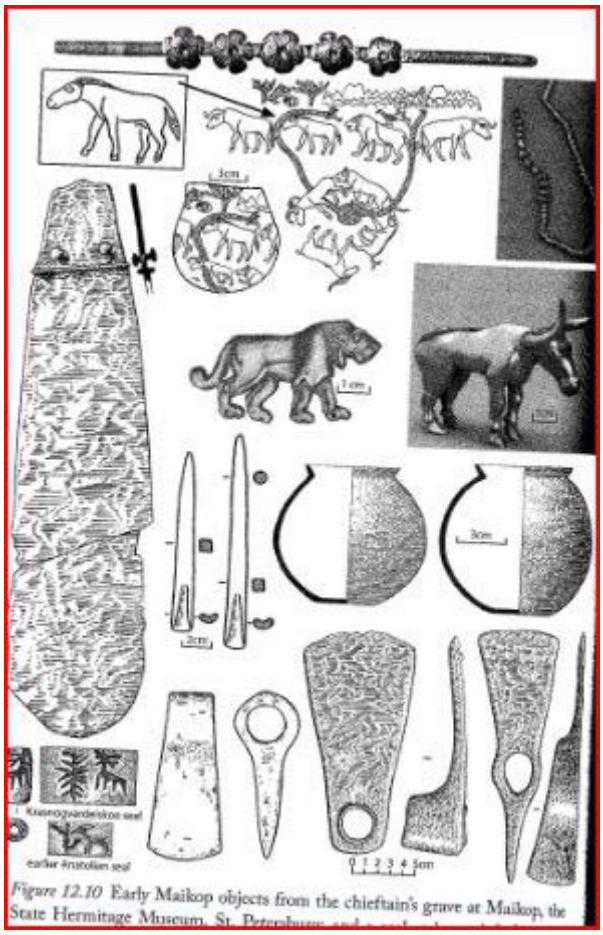


Figure 12.10 Early Maikop objects from the chieftain's grave at Maikop, the State Hermitage Museum, St. Petersburg

КАРТА 3

Если столько много элементов культуры передано из Ближнего Востока у степную зону через Кавказ, мы ожидали бы по крайней мере некоторые лингвистические следы этих ранных контактов. В исторической и антропологической литературе почти всеми исследователями предполагается что народы Северного Кавказа проживают там с начала эпохи неолитика. В самом деле, в словаре нахско-дагестанских и абхаско-адыгейских языков Николаева и Старостина (NCED) мы находим богатую терминологию связану с неолитической экономией, на пример слова означающие пшеницу (каб. *g*^{w}*adz*, цез. *qiči*, дарг. *q:Iuč:* 'хлеб', по NCED из с.-кавк. *q:HwōǯĀ), 'просо' (каб. *x*^{w}*ə*, абх. *a-šə́*, лак. *š*^{w}*a* 'урожай', лезг. *fu* 'хлеб' < с.-кавк. *ʎwɨʔwV) и т. д. Говорящие на севернокавказских языках могли попасть в зону своего исторического поселения в эпохе ранного неолитика, исходя из зоны к юге от Кавказа. В этом случае легче понять вероятные генеалогические связы северокавказских языков с языками древнего Преднего Востока: как известно, для нахско-дагестанских языков предполагается связь с Хурро-урартскими языками в древней Армении (Starostin & Diakonov 2007), а для абхазско-адыгских связь с хаттским, вымершим языком древней Анатолии.

После около 3000. года до н. э., торговля с Месопотамией уменьшилась, а трассы торговлей перенеслись на юг и юго-восток от Месопотамии, в направлении Индии и Элама. Следовательно, места в виде Майкопа потеряли свою прежную важность, и нет много причин чтобы верить, что зоны к севере от Кавказа были очень вли ятельны в третьем тисячелетие до н. э.

Однако, надо признать, что существует хронологическая проблема если хотим утвердить, что Майкопская культура влияла на *ранное* индоевропейское общество. В самом деле, большинство языковедов сейчас верит, что анатолийские языки отделились от остальных и.-е. диалектов до 3500. года до н. э., то есть до периода в котором влияние Майкопской культуры на индоевропейски могло развиваться. В этом случае, мы не ожидали бы структурных признаков и заимствовании из северокавкавских языков в анатолийских языках, но только в других и.-е. диалектах. С другой стороны, надо подчеркнуть, что нет твердых доказательств что праанатолийский в поздном 4-ом тисячелетии уже был отделен от остальных и.-е. диалектов. Если нет необходимости связывать миграции говорящих на пранатолийском языке с пропасти древнеевропейской неолитической культуры на Балканах в конце 5-ого тисячелетия (Rassamakin 1999, 2004), то совсем возможно, что праанатолийский отделился от остальных и.-е. диалектов только в третьем тисячелетии до н. э.

3. ВОЗМОЖНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Если в течении 4-ого тисячелетия до н. э. могут считаться доказанными культурные контакты между пределам индоевропейской и северокавказской общности, мы ожидали бы по крайней мере несколько замствовании из кавказских языков в. и.-е. Лексические параллели и.-е. и картвельских языков были обширно исследованы рядом ученных, н. пр. в работах Г. Климова (1979, 1986: 195-197, 2010), Т. Гамкрелидзе и В. Иванова (1984), и других. Кажется, что есть общее мнение, согласно которому язык даватель в индоевропейско-картвельских контактах был индоевропейский праязык. В индоевропейском нет доказательных заимствований картвельского происхождения. Индоевропеизмы в пракартвельском могли быть заимствованними через торговные сети в течение енеолитического периода. Интересно, что между тем словам находим и числительные, пра-картв. *otxo- 'четыре' (груз. *otx*-) < и.-е. *$h_3$ek'toh$_1$ (лат. *octō,* гр. *oktṓ,* и. т. д., если действительно имеем дело с двойственным числом незасвидетельствованного числительного означавшего 'четыре'), и пра-картв. *eks$_1$w- 'шесть' (груз. *ekws*-) < и.-е. *swek's (лат. *sex*, гр. *héks*, и т. д.). Еще одно ранное заимствование может быть глагол означающий 'плести', пра-картв. *γweb- (груз. *γob*-) < и.-е. *web^h- 'то же' (гр.

hypháinō, ст.-в. нем. *weban*, тох. Б *wāp-*, и т. д.). Однако, точное число таких заимствовании неясно, так как по сторонникам ностратической теории картвельский и индоевропейский - две ветки родственных языков, обладающие значительным фоном общей лексики. Сверх того, очень правдоподобно что некоторые из слов, иногда считающихся индоевропеизмами, в самом деле были заимствованы из пра-армянского (Gippert 1995), н. пр. слово означающее 'вино' (груз. *γvino*, ср. арм. *gin*). Слово для 'невестки' (мегр. *nosa, nisa*) обычно выводят из и.-е. *snuso- (гр. *nyós*, арм. *nu, nuoy*, ст.-слав. *snъxa*, и т. д.). Это слово попало и в много северокавказских языков, ср. чеч. *nus*, ав. *nus*, ахвах. *nusa*, каб. *nəsa*. Возможно, что и оно в самом деле заимствовано из прото-армянского, в котором начальное *s выпадает перед *n, но источником может быть и осс. *nostae* 'невестка' < индо-ир. *snauša- (Abaev II: 190).

Возможные заимствования из северокавказских языков в индоевропейском были много менее исследованы. До тех пор были две попытки к установлению таких слов в индоевропейском. Сергей Старостин (2007), определил не менее 82 лексических параллель индоевропейских и северокавказских языков, опираясь на реконструкцию пра-северопкавказского языка предложеную им самим и С. Л. Николаевим (NCED). При этом надо подчеркнуть, что эта реконструкция считается очень спекулативной, и некоторые исследователи ею не принимают (н. пр. Nichols 2003). На почве звуковых соответствий и.-е. слов и их возможных северокавказских параллели, Старостин заключил что смер заимствования был исключительно из северокавказского в индоевропейский, а не обратно. Другая попытка сделана американским языковедом Дж. Коларуссо (1997, 2003), но она связана с его гипотезой о генеалогическом родстве индоевропейского с абхазско-адыгскими языками, которая считается совсем неубедительной большинством исследовательей. По-этому, в настоящей работе мы будем критически проанализировать список заимствований, предложеный С. Старостином. При этом, нашой задачей не будет установить *все* заимствования из северокавказских языков в индоевропейском, а только установить которые из Старостином предположених заимствовании можно считать надежними. Делая это, мы должны будем уважать следующие мефодологические начала:

i. Заимствования должны принадлежать тем семантическим полям которые очень часто заимствуются (н. пр. технологическая и культурная терминология, имена растении и животных). На пример, когда Старостин выводит и.-е. *$b^h eh_2 g'^h u$- 'часть руки' (скр. *bāhú-*, ст.-исл. *bōgr*, гр. *peˆkhys*) из п.-с.-кавк. *p:üggV 'бок' (крыз. *beg*, хиналуг. *buγru,* каб. *bγə*, и. т. д.) эта этимология становится *a priori* невероятном, ввиду общепринятого сопротивления терминов обозначающих части тела к заимствованию. Хотя и это возможно, мы ожидали бы очень сильные дополнительные причины, чтобы принять такую гипотезу (надо приметить, что и значения и.-е. и северокавказских слов нетождествены).

ii. Заимствования в индоевропейском должны обладать некоторыми типичными характеристиками, н. пр. необычной за унаследованые слова структурой корня, присутствием гласного *a в корне, и. т. д.. Они тоже должны быть изолированными в лексике, то есть, такие слова невозможно вывести из глагольных корней (словно другие, унаследованые и.-е. слова). На пример, и.-е. *kleh$_2$u- 'ключь' (лат. *clāvis,* ст.-слав. *ključь,* и т. д.) достаточно легко вывести из корня *kleh$_2$u- 'запирать, препятствовать' (ср. лит. *kliūti* 'задевать, препятствовать'), и поэтому не нужно полагать, как это делает Старостин, что речь идет о заимствованию из пра-сев.-кавк. *k'ułe 'ключь' (лак. *k'ula,* ав. *k'ul,* и т. д.).

iii. Рефлексам рассматриваемого и.-е. этимона нельзя быть ограниченными только на европейские диалекты, потому что в таком случае вероятнейшей становится гипотеза о локальном субстрате, как источнике такого слова. Например, алб. *dardhë* 'груша' и гр. *ákherdos* (находящееся только в словаре Гесихия и поэтому, впрочем, сомнительно) наверно заимствованы из какого-то балканского субстратного языка, а не из пра-сев.-кавк. *qü:IrC (арч. *XIer-t,* дарг. *qaIr,* чеч. *qor,* каб. *q^{w}əź,* и т. д.).

iv. Окончательно, надо избегать корневые этимологии, то есть нельзя только установить корреспонденции между северокавказскими и индоевропейскими корнями, надо тоже ответить на вопроси о словообразовании заимствованых слов. Можно отметить что здесь рассмотренные этимологии не дают возможности объяснить словообразование реконструированих и.-е. слов, которые, впрочем, ничем не отличаются от из и.-е. праязыка унаследованных слов. Рассмотрим теперь те примеры, которые можно считать самими вероятными в списке Старостина.

1. и.-е. *h$_2$eyg'- (*ayg'-) 'коза' (гр. *aíks, aigós,* арм. *ayc,* алб. *dhi*) и *h$_2$eg'- (*ag'-) 'коза' (скр. *aja-,* лит. *ožys,* алб. *edh,* ст.-слав. *azьno* 'кожа, шкура'). Если существует этимологическая связь между и.-е. *ayg'- и *ag'-, неправильная альтернация *a- и *ay- ясно показывает что речь идет о заимствовании. Николаев и Старостин реконструируют более двенадцати корней означающих козу (и козленка и сл.) в пра-сев.-кавк., но только одно из них может быть источником индоевропейского слова, ср. адыг. *āča,* каб. *āža* (сев.-зап.-кавк. *ač́:^{w}a), дарг. чираг *ʕač:a* и, может быть, чеч. *awst* (согласно NCED из пра-сев.-кавк. *ʔēj́ʒwē).

2. и.-е. слово, означающее лошадь, *h$_1$ek'wo- (или, может быть, *h$_1$ek'u-, ср. кл.-лув. *āššu-*), выглядит похоже на многие северокавказские слова того же значения, ср. каб. *šə*, абх. *a-čə́* (пра-абх.-адыг. *č́^{w}ə), ав. *ču*, карат. *ič^{w}a* 'кобыла', лезг. *šiw*, и т. д.). В и.-е. праязыке, форма *h$_1$ek'wo- может быть связана с прилагательным *h$_1$oh$_1$k'u- 'быстрый' (лат. *ōcior* 'faster', гр. *ōkýs*, скр. *āśú-*, ср. и гомерскую *figura etymologica ōkées ḗppoi* 'быстрые лошади'). Если это правдоподобно,

скорее всего и.-е. слово заимствовано в северокавказском (степные лошади были импортированы в Месопотамию в энеолитическом периоде).

3. и.-е. *wlHneh$_2$ 'шерсть' (лат. *lāna*, вал. *gwlan*, ст. слав. *vlъna*, лит. *vìlna*, скр. *ū́ṇā*, хетт. *hulana-*, и т. д.); Николаев и Старостин реконстрируют семь слов за 'шерсть' в пра-сев.-кавк., и одна из них, *ƛ:wāħni̇ может быть источником индоевропейского слова. Рефлексы этого слова сохраннени только в нахско-дагестанском (ср. н. пр. чеч. *kan*, бежта *ʎũ*, агул. *xej*, арч. *oʎ*, хиналуг. *ka*). Индоевропейско слово означающее «шерсть» невозможно связать с каким-либо глагольным корнем, и в его флексии не обнаруживаются чередования гласных (аблаут). Его можно отнести к самому поздному степени индоевропейской лексики (оно скланяется по а-основам в хеттском, а по основам на -eh$_2$ в остальных и.-е. языках). Звуковые соотношения в нахско-дагестанских языках регулярны, хотя не очевидны, поэтому это слово могло бы быть заимствованием из нахско-дагестанского праязыка. Однако, надо отметить, что Джоанна Никольс (2003) реконстрирует пра-нахско-дагестанскую форму как *(D=)Vła(-j) (где D классный префикс, а = означает границу морфема). Этот реконструкт очень менее похожий на индоевропейское слово.

4. и.-е. *b^{h}ares- 'злак, мука' (лат. *far*, др.-ирл. *bairgen* 'хлеб', др.-исл. *barr* 'зерно', хорв. *brašno* 'мука'); Старостин реконструирует пра-сев.-кавк. *bVrč'- 'вид злака' (чеч. *bažan* 'рожь', ав. *purč'ina* 'ячмень', годобери *beč'in* 'ячмень'). Надо отметить что рефлексы этого слова ограничены на европейские диалекти, но вокализм с гласным *а позволяет нам заключить что речь идет о заимствовании, при чем северокавказские языки могли быть источником.

5. и.-е. *sasyo- 'вид злака' (скр. *sasya-*, вал. *haidd*) Старостином выводится из пра-сев.-вост.-кавк. *sūsV- 'вид злака' (лак. *sus* 'рожь', чеч. *sos* 'рожь', ахвах. *šušul* 'овес'); ввиду а-вокализма это слово, засвидетельсвтовано в двух отдаленных пределах индоевропейского мира, может быть заимствованием. Однако, надо отметить, что возможна и реконструкция индоевропейской сигматической основи *sh$_2$es- (> скр. *sas-*, Matasović 2009: 323), с ларингальным в корне. В этом случае, мы могли бы предположить что в исходе лежит и.-е. корень 'сеять' (лит. *séti*, лат. *sero*, хетт. *šiya-* и *šišša-* 'бросить'), и, следовательно, гипотеза о заимствовании не была бы необходима.

6. и.-е. *rug^{h}yo- 'рожь' (др.-англ. *ryge*, лит. *rugỹs*, прасл. *rъžь) могло бы быть заимствованным из северо-кавказского источника (ср. ав. *rok:* 'пшеница', лезг. *gerg* (с редупликацией)), но рефлексы этого слова засвидетелствованы только в балто-славянском и в германском ареале. Поэтому кажется более вероятным, что источник надо искать в каком-то североевропейском субстрате.

7. и.-е. *awig'- 'овес' (лат. *avēna*, лит. *avižà*, рус. *ovës*); индоевропейское слово обозначающее «овес» должно быть заимствованием, ввиду его необычной формы, но надо отметить что рефлексы ограниченны на европейские диалекты и что и.-е. реконструкт не очень похож на северокавказские формы приведенные Старостином и NCED: чеч. *ʕow* 'просо', ав. *ogób* 'рожь', каб. (шапсуг.) *baǵəna* 'овес'. Сверх того, значения не тождествени (NCED предполагает *ħwVgəbƲ / *ħwVbəgƲ 'вид злака'), и поэтому этот пример очень сомнителен.

8. и.-е. *(h_1e)nsi- 'нож, мечь' (лат. *ēnsis*, скр. *así-*, может быть и пал. *hašira-* 'кинжал') невозможно вывести из какого-то глагольного корня и по этой причине может быть заимствованием (вокальные корреспонденции тоже неправильны). Однако, если палайское слово принадлежит сюда, тяжело объяснить *h-* в начале слова. Старостин выводит это слово из пра-сев.-кавк. *nićV 'нож, серп' (гинух. *nešu*, анд. *ničo*, будух. *čin*, убих. *canə* 'мечь').

9. и.-е. *g^wreH(w)ōn жернов' (гот . *qaírnus*, лит. *gìrnos*, арм. *erkan,* др.-ирл. *bró,* и т. д.); Старостин выводит это слово из пра-сев.-кавк. *X:IwerV- 'мельница, жернов' (чеч. *ħajra*, лак. *hara*, таб. *raRI*, лезг. *reR*^{w}, и т. д.). Это и.-е. слово невозможно вывести из какого-либо глагольного корня, поэтому оно может быть заимствованием. С другой стороны, оно кажется как совсем правильная основа на *-n, с аблаутом в склонении, что ожидаем только в унаследованой лексике.

10. и.-е. *Hwerk- 'колесо' (хетт. *hurki-*, тох. A *wärkänt-*) Старостин выводит из пра-сев.-кавк. *hwəlkwē- (лак. *hark*^{w}-, лезг. *akur*, ав. *hokó*, каб. *g*^{w}*ə* 'арба', Shagirov I: 113). Однако, и.-е. слово возможно вывести из корня *$h_2$werg'- 'вертеть' (лат. *vergo* 'тонуть', др.-англ. *wrencan* 'вертеть', скр. *vṛṇákti* 'вертеть', перфект *vāvrjé*), и поэтому нет необходимости считать его заимствованием.

11. и.-е. *morg-/ *mrog- 'граница' (лат. *margō*, др.-ирл. *mruig* 'территория', гот. *marka* 'зона, ареаль', хетт. *mārk-* 'разделить'). Неправильный вокализм свидетельствует о том, что это слово может быть заимствованием. Однако, учитывая хеттскую форму, в и.-е. сусчествовал и глагольный корень, из которого можно вывести все засвидетельствованые слова. NCED сравнивает северокавказские формы, н. пр. чеч. *тоʁа* 'линия', лак. *marq*^{w} 'нить из шерсти', лезг. *marʁ*^{w}, etc. из пра-сев.-кавк. *mŏrqwV̆- 'линия', что очень похоже на и.-е. форму.

12. и.-е. *$h_2$rg'nto- 'серебро' (лат. *argentum,* скр. *rajatá-*, арм. *arcat*^{c}, др.-ирл. *argat,* возможно и хетт. KÙ.BABBAR-ant-) выведено Старостином из пра-сев.-кавк. *ħĕrVcwī'silver' (таб. *ars*, лак. *arcu*, ахвах. *arči*, абх. *a-raʒnə́*, каб. *dəźən,* Shagirov I: 156f.). Однако, в индоевропейском это

слово очевидно относится к корню *$h_2$erg'- 'светить' (гр. *argós* 'белый', хетт. *harki-*, и т. д.). Этот корень соучествовал в так наызваемой «словообразовательной системе Каланда» (гр. *argós* < *arg-ro-s), что значит, наверно, что и сам корень унаследован. И так, нам кажется что лучше предположить, как и Старостин признает (стр. 131), что слово дяа «серебра» одно из редких индоевропеизмов в северо-кавказских языках. Совсем возможно, что источником был какой-то индоевропейский диалект группы сатем (может-быть древнеиранский).

13. и.-е. *wes- 'купить' (хетт. *ušniye-* 'дать на продажу', перз. *wahāg* 'торговля', скр. *vasná-* 'цена', лат. *vēnus* 'продажа'); Старостин связивает этот корень с некоторыми словами означающими 'овцу' и 'скот' в северокавказском, ср. чеч. *üstaR* 'баран', каб. *wāsa* 'цена', абх. *wasa* 'овца'. Шагиров (Shagirov II: 88f) считает возможним что источник абхазско-адыгских слов был индо-арийский, может-быть аланский, ср. осс. *waess* 'теленок'. Неясно в каком отношении к этим словам груз. *wac-* 'баран'. Климов (1964: 83) реконструирует пракартв. *wac_1- 'овца' и связывает это слово с абх. *a-ca* 'бык' и с некоторыми словами за быка в дагестанских языках (н. пр. ав. *oc*). Видно, это слово заимствовано, но неясно из какого источника.

14. и.-е. *$misd^h$o- (гр. *misthós*, гот. *mizdō*, ст.-сл. *mьzda*, ав. *mīžda*, и т. д.) 'цена' Старостин интерпретирует как сложное слово включающее корень *d^heh_1- 'делать', что кажется убедительным. Однако, сомнительна его гипотеза, что первый элемент этого слова заимствован из пра-сев.-кавк. *maśwV 'цена' (арч. *mas*, лак. *maša*, лезг. *mas*, менее вероятно и абх. *a-$š^w$a-ra* 'платить'). И.-е. *mis- могло бы представлят траг сигматической основы от корня *mey- 'менять' (LIV 383, скр. *may-*, то. Б *mäsk-*, ст.-сл. *měna*).

15. и.-е. *med^hu 'мед (напиток)' (скр. *mádhu*, русс. *mëd*, др.-ирл. *mid*, гр. *méthy* 'вино') Старостин выводит из пра-сев.-кавк. *hwmĩʒū 'мед' (чеч. *moz*, врчи *imc'*, цах. *ut*), от корня *mĩʒ:V 'сладкий' (чеч. *merza*, ахв. *mịc:a-da*, лак. *nạcu-s:a*, цез. *nuci*; каб. *f'ə* 'хороший', скорее всего, несвязано с этими словами). Хотя это возможно, в структуре и.-е. слова ничто не дает закляучить, что речь идет о заимствовании.

Старостин и другие и.-е. слова считал заимствованиями из северокавказского, но по нашему мнению существуют более убедитвльные этимологии этих слов. На пример, вместо Старостином реконструированного и.-е. *twak- 'кожа', лучше будет реконструировать и.-е. глагольный корень *twek-, в хеттском засвидетельствован как *tuekk-* 'быть видным'. Из этого корня мы имеем корневое существительное *twek- (хетт. *tuekk-*, *tukk-* 'тело, собственность', скр. *tvac-* 'кожа'). Гр. *sákos* 'щит' скорее всего не связано с этим корнем. Бекес (Beekes 2010: 1302) что это греческое слово заимствовано из семитского, ср. акад. *saqqu* ‘кожный мешок’. Значит, в этом случае нет основания предполагать кавказский источник. Подобно тому, и.-е. *pork'o-

'самец свиньи' можно вывести из того же корня, который имеем в и.-е. *prk'eh$_2$ 'полоса' (лат. *porca*, вал. *rhych*, др.-англ. *furh*) и поэтому нелзя искать кавказского источника.

Чтобы заключить трактовку о словах кавказского происхождения в и.-е., надо подчеркнуть что доказательства совсем немного и примеры кажутся ненадежными. В свете очень большего затруднения реконструкции пра-северокавказского, это и не удивляет. Лексические взаимоотношения с пракартвельским легче доказать, но они, скорее всего, представляют культурную лексику, которая могла быть заимствована через языки-посредники.

Как бы ни было, очень незначимое число возможных заимствовании из северокавказских языков в индоевропейском не опровергает гипотезу о ранных индоевропейско-северокавказских языковых контактах. Нам кажется совсем возможным, что следы таких контактов обнаруживаются только в структурно-типологической конвергенции языков в контакте, а что культурная лексика в северо-кавказском и в индоевропейском неовисимо заимствована из третьего, может быть исчезшего источника (включая и языки древнего Ближнего Востока). Аналогичное состояние можем обнаружить в современных языках Балканах, в которых культурная лексика заимствована прежде всего из турецкого языка, невходящего в Балканский языковой союз, причем заимствования, н. пр., из албанского в славянских языках Балканах, очень немногочислены. Похожие ситуации засвидетельствованы и в других пределах мира, о чем горовит, н. пр., Сара Г. Томасон в своей книге о языковом контакте[1] (Thomason 2001: 11, 63). Поэтому сейчас посмотрим типологические параллели индоевропейского с кавказскими (особенно северокавказскими) языками.

4. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СБЛИЖАЮЩИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ С КАВКАЗСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В настоящем исследовании мы рассмотрим только те языковые признаки и.-е. праязыка, которые имеют нетривиальную, т. е. *a priori* неожиданную дистрибуцию среди языках Эвразии.

[1] But the implications of loanword evidence are asymmetrical: the presence of numerous loanwords is a sure sign of contact with the donor language, but the absence of numerous loanwords does not necessarily point to lack of contact. Montana Salish, for example, has borrowed some words from English, but not very many; instead, when speakers want to refer in Salish to items borrowed from Anglo culture, they tend to construct new words out of Salish components. So, to take just one of many examples, the Montana Salish word *p'ip'uysÏn* `auto-mobile' literally means `wrinkled feet' (or, more precisely, `it has wrinkled feet'), a name derived from the appearance of the tire tracks. In fact, this aspect of Montana Salish speakers' linguistic behavior may be an areal feature characteristic of the Northwest region of the United States and Canada; the Sahaptian language Nez PerceÂ of Oregon, Idaho, and Washington also has few loanwords, and many years ago the great linguist Edward Sapir commented that Athabaskan languages tend not to borrowwords from European languages (Thomason 2001: 11).

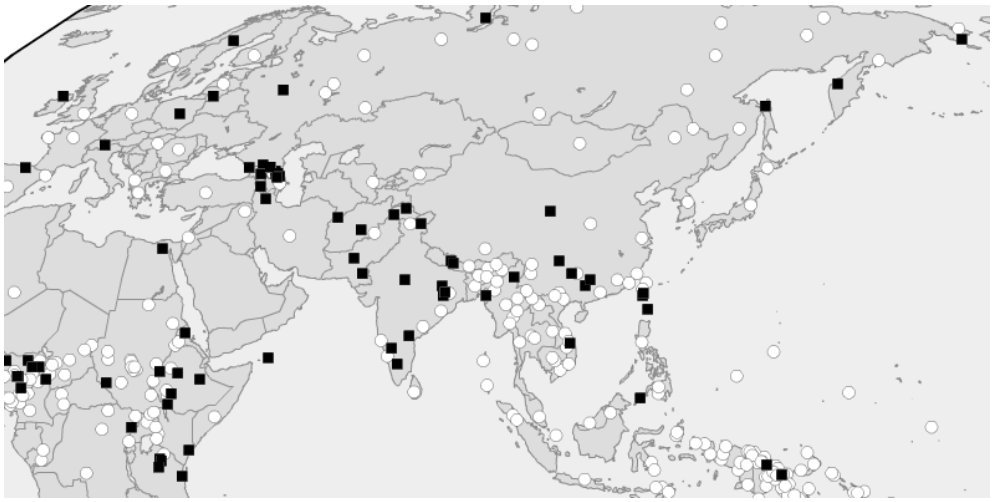
Не было бы смисленным, например, сделать какой-то вывод из факта что в индоевропейском и в нахско-дагестанском существовало склонение, и что оба праязыка обладали падежными суффиксами, потому что большинство языков в целой Эвразии (с исключением крайнего востока) принадлежит языкам того же типа.

4.1 ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

4.1.1. Коеффициент согласных и гласных

Фредерик Кортлант (Kortlandt 2009) считает минимальный вокализм индоевропейского одним из фонологических признаков общих для индоевропейского и северокавказского. В самом деле, в ранном и.-е. праязыке были только две гласные (*е и *о), а квантитативные оппозиции в вокализме - результат позднего развития. Такую же систему с только двами гласними находим в абхазско-адыгских языках, и она, как полагают специалисти (Starostin 2007a, Chirikba 1996), унаследована из праязыка этой семьи. Однако, совсем вероятно что признаки палатализации и лабиялизации, находящиеся в языках той же семьи, отражают древнейшие тембровые различия в вокализме. Что касается нахско-дагестанского, языки этой семьи некогда не обладают минимальними вокалическими системами. Напротив, в таких языках, как чеченский и ингушский, мы находим самые сложные вокалические системы на свете. Надо подчеркнуть что и реконструирована фонологическая система пра-северокавказского, предложена Николаевым и Старостином, включает гораздо более чем двух гласных фонем. Поэтому нам кажется более надежним сравнить и.-е. фонологическую систему с системами кавказских языков учитивая другой параметр, а именно коефициент согласных и гласных.

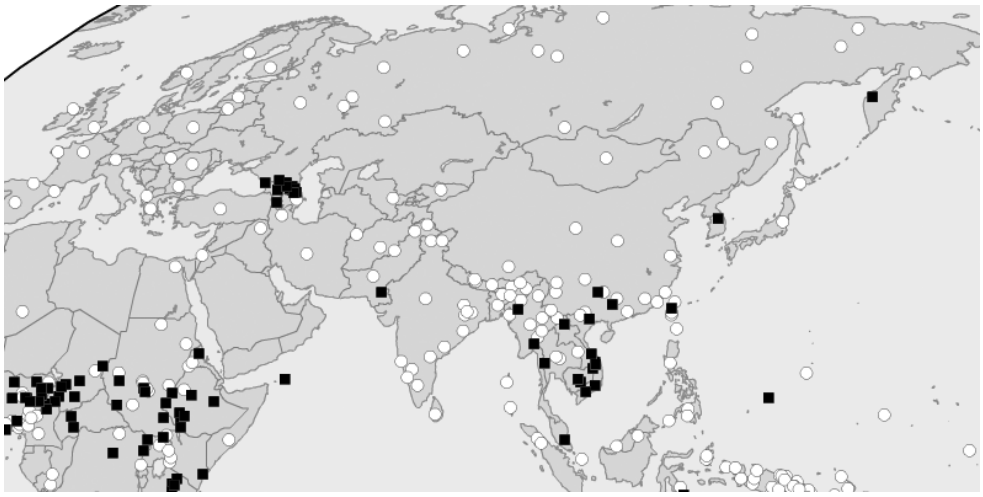
Коефициент согласных и гласных означает нумер который получается если разделим число согласных в языке с числом его гласных. Если предположим что в и.-е. праязыке были только две гласные (*е и *о), согласно класиффикации WALS, коеффициент согласных и гласных можно считать високим (в терминах WALS это значит, что коефициент менее 6,5). В языках мира такие системы очень редкие, али они встречаются неожиданно часто именно на Кавказе (прежде всего в абхаско-адыгских языках). Если предполагаем 4 гласных в и.-е., коеффициент будет умеренно високим (от 4,5 до 6,5). Дистрибуцию языков с високим и умеренно високим коеффициентом согласных и гласных можно видеть на Карте 5. Легко обнаружить, что на Кавказе находим только языки такого типа.



КАРТА 5

4.1.2. Глоттализованые смычные

Нет никакого сомнения что в целой Эвразии (с исключетием крайнего востока) находим только одну зону, в которой большинство языков имеет глоттализованые согласные и что эта зона – Кавказ (Карта 6). Сверх того, этот фонологический признак распространился и в соседних индоевропейских языках, а именно в оссетском и в армянском языке. Однако, совсем неизвестно обладал ли и.-е. праязык глоттализованими смычними или нет. Сторонники глоттальной теории, предложенной Т. Гамкрелидзе, В. Ивановим и П. Хоппером, считают что серия (в традиционной индоевропеистике) звонких смычных была в самом деле серия глоттализованых (*p', *t', *k'). Аргументи в пользу глоттальной теории не приняты большинством исследователей, но надо сказать что, по нашему мнению, нет другой интерпретации индоевпопейской системы смычных, отличающейся лучшей типологической плаузибильностю. Поэтому глоттальную теорию во всаком случае нельзя отбросить, а если она на конце концов будет принята, то будет очень важно ввиду возможных ареальных связей индоевропейского праязыка.

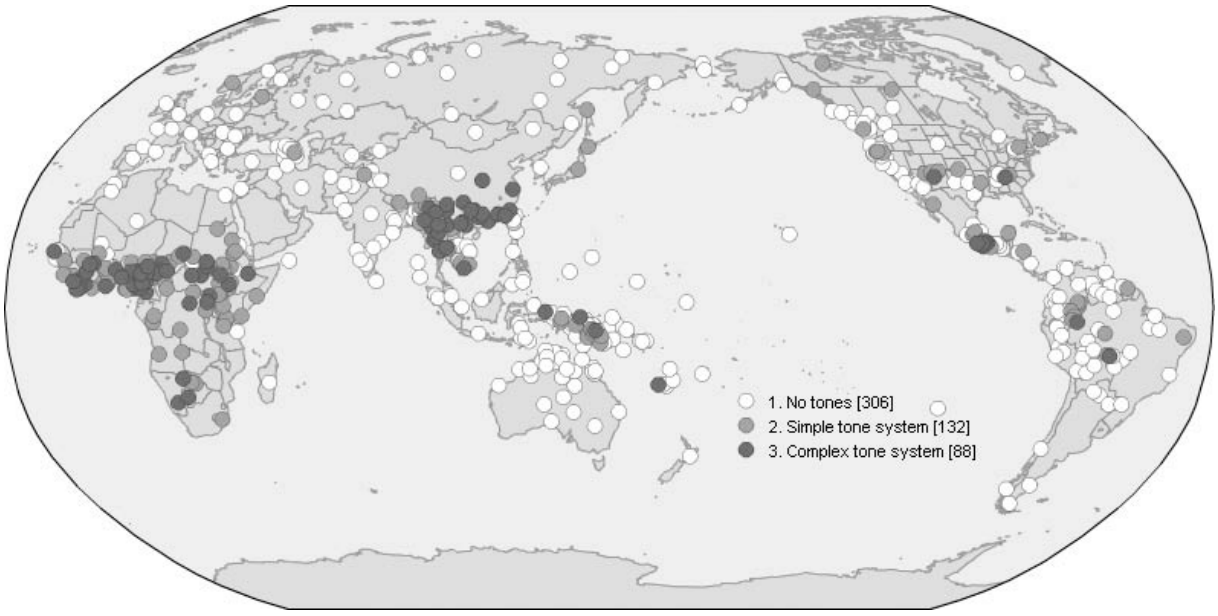


КАРТА 6

4.1.3 Тональный акцент

Индоевропейский язык обладал тональным акцентом. Если обсуждать по данным ведийского языка, тональная система была минимальной, различая только два тона (высокий и низкий). Однако, есть серьезные мотивы для предпосилки что ведийская система развилась из несколько более комплексной системы, и что различия между акцентологическими моделями в склонении и спряжении становятся результатом древных тональных различии.

На Кавказе, тональные системы распространенны и в нахско-дагестанских и в абхазско-адыгских семьях. В абхазско-адыгсском, диалект тапанта абазинского языка имеет тональный акцент, пока в нахско-дагестанском, тональный акцент находим, например, в тиндийском, чамалалском, ингушском, крызском, будухском, андийском и ахвахском языках, а тоже и в инохварском диалекте хваршинского языка (van den Berg 2005: 154). Большинство этих языков обладает минимальными тональными системами, очень похожими на индоевропейский. В настоящем совсем неясно обладали ли нахско-дагестанский и абхазско-адыгский праязык тональным акцентом, но это во всяком случае возможность, которую нельзя сразу отбросить. С другой стороны, картвельские языки обладают только динамическим акцентом (т. е. ударением). Как можно увидеть на Карте 7, языки северной Эврази (с исключением кетского в Сибире) тоже отличаются динамическими акцентными системами. По этой причине, присуствие тональных акцентов в северокавказском очень значимо с ареальной точки зрения.



КАРТА 7

4.1.4 Продуктивный аблаут

В индоевропейском морфологически обусловленые чередования гласных обильно употреблялись в именной и глагольной флексии. Такой тип морфологии не находим часто в языках северной Эврази (есть несколько исключений), но он очень типичный для языков Кавказа. Типологические параллели в аблауте между индоевропейским и картвельским были обнаружени уже давно Т. Гамкрелидзе (Gamkrelidze 1966), но надо подчеркнуть что и другие две семьи кавказских языков обладают продуктивними чередованиями гласных. На пример, в кабардинском мы находим чередование гласных обозначающее различие между переходними и непереходными глаголами, н. пр. *txan* 'читать, заниматся чтением' (непереходный) vs. *txən* 'читать' (переходный). В чеченском языке аблаут использован в системе глагольных времен и видов, ср. *mal* 'пить' vs. *mīl* 'пить повторно' (итератив), или *xottu* 'просить' (презенс) vs. *xätt-ira* 'просил' (претерит). Аблаут реконструируется большинством ученных в пра-нахско-дагестанском и в пра-абхазско-адыгском, но надо сказать и что другие семьи Эврази обладают этим признаком, н. пр. афразийские языки. Поэетому кавказско-индоевропейские параллели не могут считатся эксклюзивними.

4.1.5 Дистрибуция вибранта *r*

В и.-е. праязыке был только один вибрант (*r), обладающий несколько ограниченной дистрибуцией, потому что не мог стоять на начале слова. Все примеры с начальним *r- в классическим руководствам по индоевропеистике (н. пр. в словаре Покорного) в самом деле

содержали начальный ларингальный, отразившийся как протетический гласный в греческом и в армянском, ср. н. пр. *$h_1$rud^{h}ros „красный“ (гр. *erythrós*, лат. *ruber*, ст.-сл. *ръdrъ*, и т. д.). Языки с таким ограничением дистрибуции сонанта *r очень частые на Кавказе (Карта 8, ср. и Matasović 1992). Такое ограниченые находим, н. пр. в агульском, кабардинском, лезгинском, чеченском и хиналугском языке. В современных картвельских языках есть слова, начинающие вибрантом *r*, но некоторые ученные предполагают, что пра-картвельский не обладал такими словами (Melikišvili 1980). С другой стороны, рассматриваемо ограничение в дистрибуции вибранта *r* совсем не универзально в кавказских языках. Впрочем, NCED реконструирует начальное *r* в ряде этимонов, н. пр. пра-сев-кавк. *rakwĭ- 'топор', пра-сев.-кавк. *riλA- 'мясо', и т. д.. Сверх того, хотя в кабардинских и адыгских словах нет начального *r*, этот вибрант может стоят на начале слова в абхазском и в абазинском, и кажется очень вероятним, что в пра-абхазско-адыгском не было ограничений его дистрибуции. Подобно тому, хотя в чеченском и ингушском начальное *r* отсутсвтует, это результатом перехода начального прото-нахского *r- в смычный *d-* (в лезгинском начальное пра-нахско-дагестанское *r переходит в *j-, ср. лезг. *jaḳ*^{w} 'топор', чеч. *dig* 'то же'). По этим причинам, мы можем только заключить, что в языках Кавказа находим типологические параллели дистрибуции вибранта *r в индоевропейском, но это не может доказать существование древных кавказско-индоевропейских контактов.

КАРТА 8

4.2 Морфологические и синтаксические признаки

4.2.1 Оппозиция эксклюзивных и инклюзивных личных местоимений

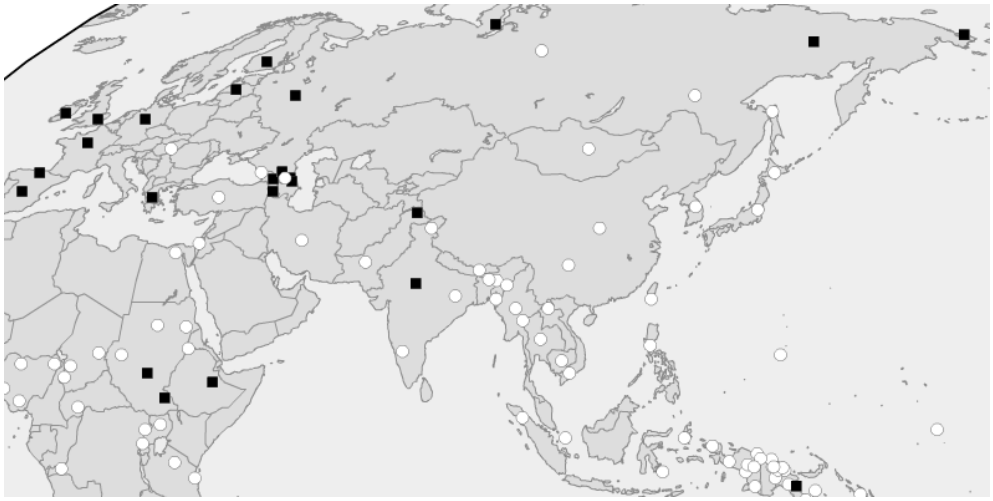
В индоевропейских языках оппозиция инклюзивних и эксклюзивних местоимений вообще не обнаруживается. Однако, нет сомнений, что в праиндоевропейском можно реконструировать две различные основы местоимения 1-ого лица множественого числа, а именно *we- (скр. *vayam,* гот. *weis*) и *me- / *ns- (лат. *nōs,* лит. *mes,* ст.-сл. *my,* и т. д.). При этом необычно, что основу *we- находим тоже в 2-ом лице множественного числа (лат. *vōs,* гр. *hymeĩs*). Это обстоятельство можно объяснить предполагая что эта основа отражает и.-е. инклюзивное местоимение 1-ого лица множественного числа, так как *me-/*ns- отражает ексклюзивное местоимение (Gamkrelidze & Ivanov 1984). Хотя такую гипотезу невозможно доказать, реконструкция оппозиции ексклюзивних и инклюзивних местоимении элегантно объясняет гомонимию основы *we-, означающей и первое и другое лице плюрала.

В северокавказских языках оппозиция инклюзив-эксклюзив очень разширена. Некоторые ученные предполагают, что она восходит до пра-нахско-дагестанского языка (Nichols 2003), но сегодня мы находим эту оппозицию в нахских языках (ср. чеч. *way* 'мы (инкл.)' vs. *txuo* 'мы (екскл.)), в аварском, андийском и в некоторых лезгинских языках. В абхазско-адыгском, эта оппозиция существует в абхазско-абазинском и в адыгейском, али нет и в близкородственном кабардинском языке. Поскольку различье инклюзива и эксклюзива редко в языках Эврази (с исключением ее крайних восточных пределах), существование этой оппозиции в и.-е. и в северокавказском кажется очень важным ареальным признаком. Однако, надо сказать что есть и другие объяснения гомонимии индоевропейской основы местоимения 1-ого лица мн. ч. Некоторые языковеди считают что *we- в начале было основой двойственного числа, пока первоначальнаяа основа множественного числа была *me-/ *ns-. Надо отметить что ту же основу имеем в глагольных окончаниях двойственного числа (н. пр. ст.-сл. *–vě,* lit. *–va,* skr. *–vas*).

4.2.2 Синкретизм падежей

Как и в большинсвте засвидетельствованных и.-е. языках, в индоевропейском праязыке существовал синкретизм падежей. В самом деле, можно различать синкретизм прямых падежей (номинатив и аккузатив существительных среднего рода) и синкретизм прямых и косвенных падежей (н. пр. тот факт, что аккузатив пользовался для выражения направления, н. пр. в лат. *eo Romam* 'иду в Рим'). Однако, по данным WALS, языки в которых существует синкретизм падежей очень редкие в Эврази. На Карте 9 можно видеть, что такие языки имеются прежде всего в южной и юго-заходной Эврази, а особенно на Кавказе. Нам кажется что какой-то вид синкретизма можно обнаружить в большинстве кавказских языков. Например, в аварском, годобери и в андийских языках, эргатив служит и как творительный, а в лакском

этот падеж пользуется и как родительный (van den Berg 2005: 162). В абхазско-адыгских языках, категория падежа существует в убыхском, в кабардинском и в адыгейском языке, но нет сомнении что речь идет о размерно недавном развитии, и что категорию падежа нельзя предполагать в абхазско-адыгском праязыке. Однако, надо отметить, что эргатив в кабардинском языке функционирует и как инструменталис (творительний), то есть, в кабардинском можем обнаружить синкретизм прямого и косвенного падежа (Matasović 2008).



КАРТА 9

4.2.3. Гетероклитическое склонение

Одным из самых важных признаков склонения нахско-дагестанских языков, существующий во всех языках этой семьи, оказывается существование двух основ в склонении каждого существительного. Одна основа пользуется в оформлении именительного (абсолютивного) падежа, а другая для оформления эргативного и дгурих косвенных падежей (Alekseev 2003: 222). Это обстоятельство очень похоже на гетероклитическое склонение индоевропейских существительных среднего рода, н. пр. и.-е. *yēk^{w}r (им. и вин. падеж, vs. *yek^{w}ns (род. падеж) 'печень', ср. гр. *he˜par, hḗpatos,* лат. *iecur, iecinis,* и т. д. Хотя гетероклитические существительные считаются архаизмами в большинстве и.-е. языков, в анатолийских языках они очень продуктивный класс существительных.

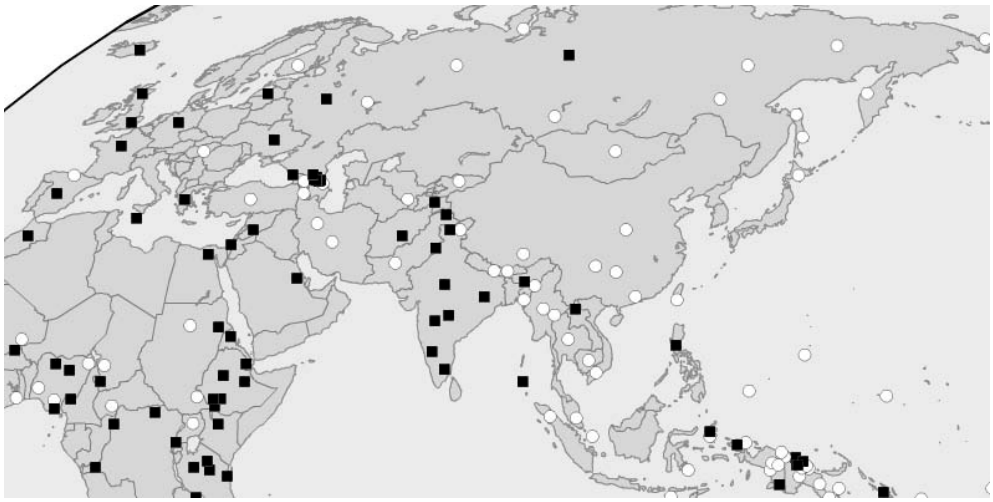
В языках северной и северо-восходной Эвразии этот вид именного склонения встречается очень редко, и поэтому параллелизм индоевропейского и нахско-дагестанского кажется очень важним. Однако, надо отметить, что в настоящем степени развития сравнительно-исторической грамматики нахско-дагестанских языков невозможно реконструировать целые именные парадигмы в праязыке этой семьи, и что способи выражения оппозиции двух основ в нахско-дагестанских языках различаются (Alekseev 2003), ср. чеч. *buhʕa* 'сыч' (абсолютив) vs. *buhʕ-an-*

uo (эргатив), *buhʕ-an-ash* (абс. мн.), или дарги *neš* ‘мать’, косвенная основа *neš-li* (дат. *neš-li-s*), мн. *neš-ani*, косвенная основа мн. ч. *neš-an-a-* (дат. *neš-an-a-s*).

4.2.4 Род и именное согласование

Именное согласование можно определить как согласование с грамматическими признаками существительного, т. е. в роде, числе и в падеже. Индоевропейская система согласования в роде типологически очень необичная, потому что согласование ограниченно на словосочетание существительного с его определением (Matasović 2004: 204); во всех других языковых семьях Эвразии, согласование в роде обнаруживается и на глаголе – это значит, что есть такие глагольные формы которые согласуются в роде с подлежащим (или и с дополнением) предложения. В индоевропейском, глагол согласовался с его подлежащим в числе и лице, но не и в роде. На Карте 10 можно увидеть дистрибуцию языков с именным согласованием в Эвразии. Надо отметить, что в абхазско-адыгских языках в настоящем не находим много именного согласования, али есть доказательства что в праязыке этой семьи оно было более распространеным. Абдоков (1981) показал, что абхазско-адыгские языки утратили унаследованную систему согласования в категории рода, и что современная система грамматического рода в абхазском и абазинском скорее всего – инновация.

В нашей книге посвященой роде в индоевропейском (Matasović 2004), мы попытались показать что дистрибуция языков с категорией рода в языках Эвразии – неслучайная. Языковые семьи северной и северовосточной части Эвразии не обладают этой категорией, пока языки и семьи юго-восточной части Эвразии почти без исключения имеют категорию рода. Другие виды именного согласования (особенно согласование в падеже и числе) обладают тождественной дистрибуцией среди языках Эвразии.



КАРТА 10

4.2.5 Эргативность

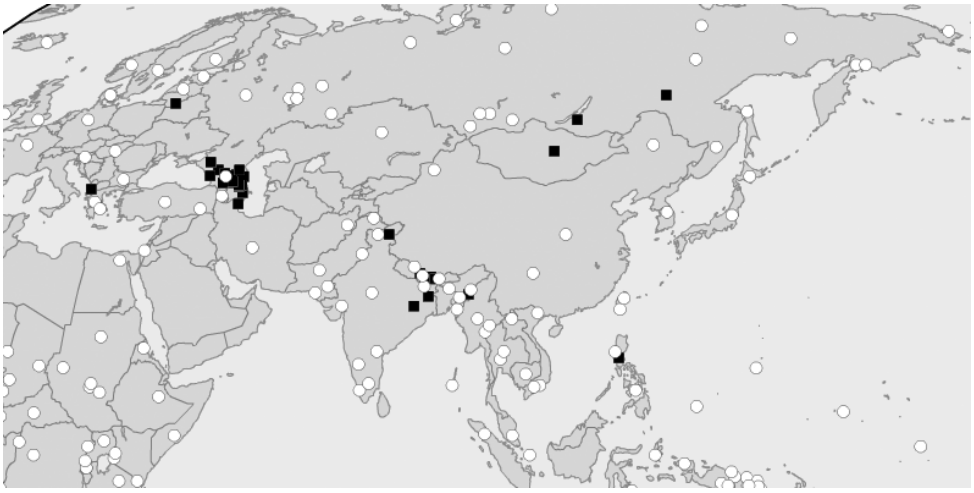
Гипотеза, согласно которой и.-е. был эргативним языком, выдвинута еще в начале 20-ого века, но до тех пор не принята свеми ученними. Она опирается на тот факт, что винительный падеж существительных мужского рода имеет такое же окончание как и именительный и винительный падежи существительных среднего рода (у которых, впрочем, эти два падежа не различаются). Послольку существительные среднего рода редко пользуются как совершители действия, можно предположить, что они вовсем не могли использоватся как подлежащее переходных глаголов, и что их именительный падеж в самом деле был древным абсолютивом. С ареально-типологической точки зрения, надо подчеркнуть, что языки Эвразии с номинативно-аккузативной падежной системой обычно имеют немаркированный именительный и маркированный винительный падежи (нпр. в турецком, финнском и венгерском языке). Неожиданный факт, что в индоевропейском окончание именительного падежа тождественно одном из окончании родительного падежа, можно объяснить, если предположим, что и родительный и именительный падеж существительных восходят к изначальном эргативном оконжанию *-s в ранно-индоевропейском.

В целой Эвразии, языки с эргативной структурой предложения находим только на крайнем северо-востоке (н. пр. чукчи и эскимский), на крайней заходной периферии (баскский язык) и в некоторых остаточных зонах Гималаи и Кавказа, где большинсвто языков обладает эргативной структурой предложения. Однако, надо подчеркнуть что эргативность в общем смысле нельзя считать ареальным признаком кавказских языков (Tuite 1999). Кавказские языки эргативные только в том смисле, что они все обладают конструкциями, в которых одинственный аргумент непереходного глагола получает те же синтаксические признаки как и дополнение переходного глагола, отличающиеся от признаков подлежащего переходного глагола. Притом надо сказать что есть гораздые различя в конкретных способах организации синтаксической структуры предложения в абхазско-адыгских, нахско-дагестанских и картвельских языках. Чисто эргативную падежную систему, похожу на систему, какая иногда предполагается для ранно-индоевропейского, обнаруживаем только в нахско-дагестанских языках (в адыгских языках и в убыхском она тоже существует, но считается недавной инновацией).

4.2.6 Существование оптатива (желательного наклонения)

Главная функция оптатива (желательного наклонения) - выражение желания или стремления. Эту глагольную категорию можно предположить с увереностью для прото-идноеверопейского. Она была выражена суффиксом *-yeh$_1$- /-ih$_1$- (ср. скр. *syāt* , гр. *eíē,* ст.-лат.

императив *siēt*). Интересно, как можно увидеть на Карте 11, что морфологически (синтетически) оптатив очень редкий в языках Эврази, с исключением языках Кавказа.

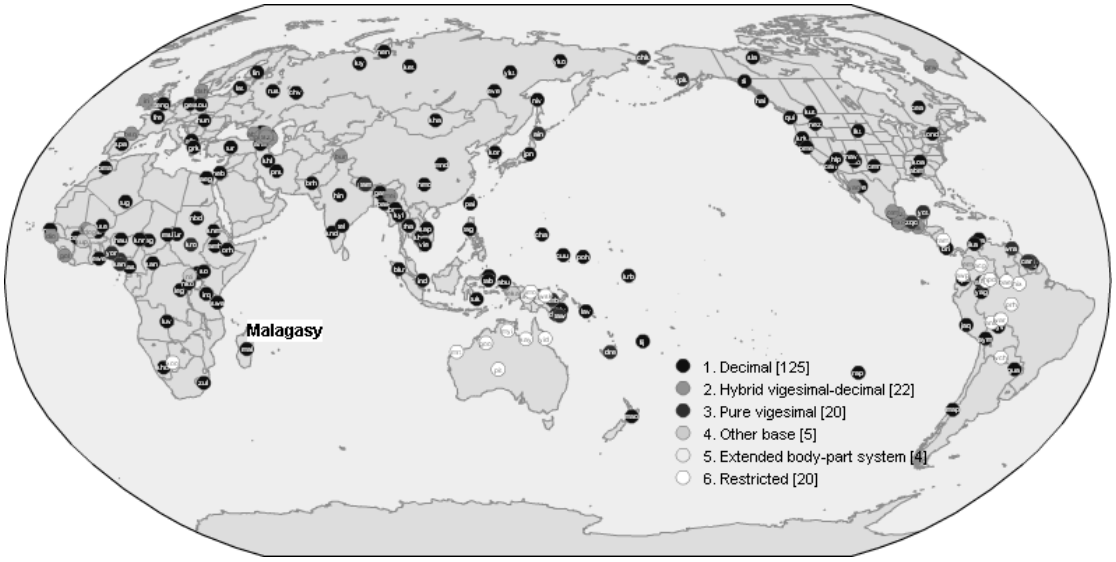


КАРТА 11

На Кавказе оптатив находим и в всех трех семьях кавказских языков, но также и в языках народов, поселившихся там в течение истории (н. пр. в азерском, кумыкском и ногайском языках). Надо сказать и что оптатив был утрачен в истории большинства индоеврпейских языков и что пока нет общего мнения существовал ли он когда-то и в предистории анатолийских языков, или нет. Многие ученные считают развитие оптатива – процессом закончившимся по отделении анатолийской группы от остальных и.-е. диалектов.

На конце, надо сказать что в индоевропейском существуют и некоторые ареально-типологические признаки, не находящиеся в кавказских языках. На пример, существование двойственного числа в именной, местоименной и глагольной морфологии совсем не характерно для кавказских языков. С другой стороны, двойственное число в и.-е. не подлежает сомнению. В именном склонении оно было формировано суффиксами *-h_1 (для существительных м. р.) и *-ih_1 (для существительных ж. и ср. р.), ср., н. пр., и.-е. *h_3ek^w-ih_1 “очи” > гр. (гом.) *ósse*, ст.-сл. *oči*, и т. д. Хотя двойственное число не существует в анатолийских языках, кажется очень вероятным что оно было утрачено в этой группе языков, так как хетт. окончание 1-ого лица мн. ч. –*weni* может восходить к и.-е. форманту дв. ч. *-we- (ст.-сл. –*vě*, лит. –*va*, скр. –*vas*). Интересно, но по нашим данным на Кавказе не говорится ни один язык с категорией двойственного числа (с возможным исключением хевсурийского и пшавского диалекта грузинского языка, где, скорее всего, реч идет о паукале, а не о двойственом числе, ср. Boeder 2005).

С другой стороны, вигезимальная система счета - ареально-типологический признак характеризуюущий большинство кавказских языков, а отсутствующий в индоевропейском. Хотя языки с десятичной системой счета преобладают в целой Эвразии, на Кавказе находим почти только языки с двадцатичной (вигезимальной) системой, причем в некоторых языках (н. пр. в кабардинском) можно предположить что исходная вигезимальная система преобразилась в десятичную совсем недавно, под влиянием русского языка (Карта 12).



Карта 12

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом докладе мы попробовали рассмотрить лингвистические доказательства древных контактов индоевропейских и кавказских языков. Хотя возможных заимствований из индоевропейского в северокавказском (и обратно) не очень много, существуют некоторые ареально-типологические признаки в фонологии и в грамматике, которые можно считать результатами языковых контактах в предистории.

Вот которые признаки нами считаются убедительними доказательствами в пользу гипотезе о ранных контактах индоевропейского и кавказских языков: коеффициент согласных и гласных, глоттализованые смычные, тональный акцент, продуктивный аблаут, синкретизм падежей, гетероклитическое склонение, род и именное согласование и существование оптатива (желательного наклонения). Почти все эти признаки можно обнаружить и в анатолийских и в остальных и.-е. диалектах – значит, кавказско-индоевропейские контакты произошли до отделения анатолийской группы и.-е. диалектов. Также надо отметить, что перечисленные признаки лучше засвидетельсвтовани в северных кавказских языках, чем в картвельских, что

хорошо согласуется с гипотезой о прародине индоевропейцев в северном Причерноморье, к севере и северо-западе от Кавказа, в третьем тисячелетии до н. э.

Хотя присутствие каждого из перечисленных признаков в индоевропейском и в кавказских языках может быть результатом случая, их множественность, по нашему мнению, достаточно убедительно доказывает существование предисторийских контактов индоеропейского праязыка с кавказскими.

ЛИТЕРАТУРА

Abaev, V. I. Istoriko-ètimologičeskij slovar' ossetinskogo jazyka, Nauka, Leningrad 1973.

Abondolo, D. (ed.). The Uralic Languages, London 1997.

Alekseev, M. Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika naxsko-dagestanskix jazykov. Kategorii imeni. Moscow, Academia 2003.

Andronov, M. S. Dravidian Languages, Moscow 1970.

Anthony, D. The Horse, the Wheel, and Language, Princeton 2007.

Beekes, R. S. P. Comparative Indo-European Linguistics, Amsterdam 1995.

Beekes, R. S. P. Etymological Dictionary of Greek, Brill, Leiden 2010.

Boeder, W. The South Caucasian Languages, Lingua 115 (2005): 5-89.

Chirikba, V. A. Common West Caucasian, Leiden 1996.

Colarusso, J. Phyletic Links between Proto-Indo-European and Proto-Northwest Caucasian, The Journal of Indo-European Studies 25 (1997): 119-151.

Colarusso, J. Further Etymologies between Indo-European and Northwest Caucasian, in: Current Trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics, Papers in Honor of Howard Aronson, ed. by Dee Ann Holisky and Kevin Tuite, Amsterdam, 2003: 41–60

D'jakonov, V. Hurrito-urartskie i vostočnokavkazskie jazyki, In: Trudy po jazykoznaniju, Moscow 2007: 359-406.

Fritz, M. Der Dual im Indogermanischen, Heidelberg 2003.

Gamkrelidze, T. V. A typology of Common Kartvelian, *Language* 42, 1: 69-83.

Gamkrelidze, T. V. & Ivanov, V. V. Indoevropejskij jazyk i indoevropejcy, I-II, Tbilissi 1984.

Gippert, J. 1995. Die Glottaltheorie und die Frage früher indogermanisch-kaukasischer Sprachkontakte. In: Jens Elmegard (ed.), In Honorem Holger Pedersen,. Wiesbaden: Reichert, 107-123.

Haarmann, H. Contact Linguistics, Archaeology and Ethnogenetics: An Interdisciplinary Approach to the Indo-European Homeland Problem, Journal Of Indo-European Studies 22, 1994: 265-288.

Hewitt, G. Introduction to the Study of the Languages of the Caucasus, Munich 2004.

Hoffmann, K. Der Injunktiv im Veda, Heidelberg 1967.

IEW = J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern 1959.

Kaiser, E. Review of Anthony 2007, Kratylos 55/2010: 35-44.

Klimov, T. A. Ètimologičeskij slovar' kartvel'skix jazykov, AN SSSR, Moscow 1964.

Klimov, G. A. Vvedenie v kavkazskoe jazykoznanie, Moscow 1987.

Klimov G. A. (ed.), Strukturnye obščnosti kavkazskix jazykov, Moscow 1978.

Klimov, G. A. Neskol'ko kartvel'skix indo-evropeizmov“, Ètimologija 1979 (1981): 167-173.

Klimov, G. A. Drevnejšie indoevropeizmy kartvel'skix jazykov, KD Librokom, Moscow 2010.

Kortlandt, F. The Spread of the Indo-Europeans (Ms) 1989, http://www.kortlandt.nl.

Kortlandt, F. The Indo-Uralic Verb (Ms) Leiden 2001.

Kortlandt, F. C.C. Uhlenbeck on Indo-European, Uralic and Caucasian. Historische Sprachforschung 122, 2009: 39-47.

Kulikov, L. Passive and Middle in Indo-European: Reconstructing the early Vedic passive paradigm, in: Passivization and Typology. Ed. by W. Abraham and L. Liesiö, Amsterdam 2006: 62-81.

LIV = Lexikon der indogermanischen Verben. Ed. by H. Rix et alii, Wiesbaden 2002.

Mallory, J. In Search of the Indo-Europeans, London 1989.

Matasović, R. Distribucija indoeuropskoga fonema *r: kavkasko-indoeuropska tipološka podudarnost?, Suvremena lingvistika 34 (1992): 201-207.

Matasović, R. Gender in Indo-European, Heidelberg 2004.

Matasović, R. Transitivity in Kabardian, in: R. D. Van Valin Jr. (ed.), Investigations of the Syntax-Semantics-Pragmatics Interface, John Benjamins, Amsterdam 2008: 59-74.

Matasović, R. Etymological dictionary of Proto-Celtic, Brill, Leiden 2009.

Matasović, R. Areal and typological affinities of Proto-Indo-European, paper presented at the Würzburg Conference of Indogermanische Gesellschaft, September 2009a. To appear in the Proceedings.

Melikišvili, I. G. Struktura kornja v obščekartvel'skom i obščeindoevropejskom, *Voprosy jazykoznanija* 4, 1980: 60-70.

NCED = North Caucasian Etymological Dictionary, available as an etymological database at www.starling.rinet.ru .

Nichols, J. Linguistic Diversity in Space and Time, Chicago 1992.

Nichols, J. The Nakh-Daghestanian consonant correspondences, in: Current trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics, ed. by Dee Ann Holisky and Kevin Tuite, Benjamins, Amsterdam 2003: 207-264.

Nichols, J. A Typological Geography for Proto-Indo-European, in: Proceedings of the 18th UCLA Indo-European Conference. Ed. by K. Jones-Bley et al., Washington, D.C. 2007: 191-211.

Nikolayev, S. L. & Starostin, S. A. A North Caucasian Etymological Dictionary, Asterisk, Moscow 1994.

Plank, F. The selective elaboration of nominal or pronominal inflection, in: Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Ed. by F. Plank, Berlin 2003: 253-288.

Rassamakin, Ju. Ja. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC, in: M. Levine et al. (eds.) Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe, Cambridge 1999: 59-182.

Rassamakin, Ju. Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. Archäologie in Eurasien 17, Mainz 2004.

Schmidt, K. H. Beiträge zu einer typologisch-vergleichenden Grammatik der indogermanischen und südkaukasischen Sprachen, Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 22/1967.

Sherratt, A. Echoes of the Big Bang: The Historical Context of Language Dispersal, in: K. Jones-Bley *et alii* (eds.) Proceedings of the Tenth Annual UCLA Indo-European Conference, Washington 1998:261-282.

Shimomiya, T. Zur Typologie des georgischen (verglichen mit dem indogermanischen). Mit einem exkurs zur Sprachbundtheorie, Gakushuin, Tokio 1978.

Starostin, S. A. Indoevropejsko-severnokavkazskie izoglossy. In: Trudy po jazykoznaniju, Moscow 2007: 312–358.

Starostin, S. A. A review of V. A. Chirikba's 'Common West Caucasian', In: Trudy po jazykoznaniju, Moscow 2007: 682-744.

Steever, S. B. (ed.) The Dravidian Languages, London 1998.

Šagirov, A. K. Ètimologičeskij slovar' adygskix (čerkesskix) jazykov, I, II, Moskva 1977.

Thomason, S. G. Language Contact, Edinburgh University Press, Edinburgh 2001.

Tuite, K. The myth of the Caucasian Sprachbund: the case of ergativity, Lingua 108 (1999): 1-26.

Uhlenbeck, C. C. Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanicshen Sprachen, Indogermanische Forschungen 12, 1901: 170-172.

van den Berg, H. The East Caucasian Language Family, Lingua 115 (2005): 147-190.

Vinogradov, V. V. (ed.), Jazyki narodov SSSR, IV: Iberijsko-kavkazskie jazyki, Moscow 1967.

WALS = The World Atlas of Language Structures. Ed. by M. Haspelmath et alii, Oxford 2006.

Whitney, W. D. Sanskrit Grammar, Cambridge, MA 1967.